

В. Л. УСПЕНСКИЙ

ТИБЕТСКИЙ БУДДИЗМ В ПЕКИНЕ

Санкт-Петербург
2011

Успенский Владимир Леонидович
ТИБЕТСКИЙ БУДДИЗМ В ПЕКИНЕ

Книга посвящена истории распространения и процветания в течение нескольких столетий тибетского буддизма (ламаизма) в Пекине, столице Китая. Пекин стал крупнейшим центром тибетского буддизма еще в XIII — XIV вв., являясь столицей монгольской империи Юань. Императоры маньчжурской династии Цин (1644 — 1912) и их родственники оказывали значительное покровительство тибетскому буддизму. Они строили и щедро финансировали ламаистские монастыри и храмы, которых в Пекине насчитывались десятки, лично участвовали в религиозных обрядах. В Пекине постоянно проживало свыше двух тысяч лам. Столица империи превратилась в крупнейший центр буддийской книжности, где были напечатаны сотни томов буддийского канона на тибетском, монгольском и маньчжурском языках, а также множество отдельных сочинений и сборников. В мастерских Пекина были изготовлены тысячи изображений буддийских божеств, как скульптурных, так и живописных. В книге собран обширный материал о различных аспектах жизни буддийского сообщества Пекина XVII — начала XX вв.

Решением Ученого совета Восточного факультета Санкт-Петербургского университета настоящая книга была рекомендована в качестве учебного пособия.

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена исследованию сложного и уникального исторического феномена, который состоял в том, что китайский город Пекин, административная столица империи, одновременно являлся на протяжении семи веков крупнейшим центром развития, распространения и организации тибетского буддизма (ламаизма).

Превращение Пекина в центр тибетского буддизма стало возможным благодаря сочетанию многих факторов и исторических обстоятельств.

Приоритетное значение северного геополитического вектора развития Китая на протяжении тысячелетий обусловило, в том числе, и превращение Пекина (кит. Бэйцзин — «Северная столица») в политический и культурный центр Китая. Еще у древних китайцев возникло представление о Китае как о Среднем государстве (Чжун го), окруженном «варварами четырех сторон света». Но только последняя китайская империя Цин (1644 — 1912), которая была создана маньчжурами, сумела установить эффективный контроль над территориями к северу от Великой китайской стены. Именно в эту эпоху проявились многие уходящие корнями в глубокую древность тенденции исторического развития как собственно Китая, так и соседних народов.

Однако отношения между китайцами и соседними народами не сводились только к войнам: это был своеобразный симбиоз двух моделей существования. Кочевники-«варвары» получали из Китая не только необходимые для их жизни продукты ремесленного производства, но и сами активно усваивали китайскую культуру, начиная с языка и представлений о мироустройстве. На протяжении многих веков не китайские народы (кидани, чжурчжэни, тангуты, монголы) сами создавали государства по китайскому образцу.

Район Пекина был населен китайцами еще в незапамятные времена. В 1-ом тысячелетии до н.э. здесь возник город Цзи, столица государ-

ства Янь (отсюда древнее название города — Яньцзин). Судьбоносным для будущего Пекина стал 937 г., когда город стал южной столицей (кит. Наньцзин) киданьского государства Ляо. В город 1153 г. стал центральной столицей (кит. Чжунду) чжурчжэньского государства Цзинь.

В 1215 г. город был взят монгольскими войсками, а в 1267 г. Хубилай, монгольский хан и основатель династии Юань, решил построить на этом месте свою главную столицу — Даду (кит. «Великая столица»). Эта столица юаньских императоров благодаря книге Марко Поло прославилась на весь мир под названием Ханбалык (монг. «Ханский город»). В 1368 г. монгольская династия Юань была свергнута, и ее последний император Тогон-Тэмур (Шуньди) покинул Даду. «Плач» Тогон-Тэмура по оставляемой столице является одним из наиболее выдающихся памятников монгольской литературы.

Маньчжуры заняли Пекин летом 1644 г. У династии Цин были три столичных города, два из которых находились к северу от Великой китайской стены: Мукден (кит. Шэнцзин или Шэньян) на территории Маньчжурии, Пекин — на территории собственно Китая, и Чэндэ — на территории Монголии. Этот факт не был случайностью, а символизировал власть династии Цин над этими странами. Нигде в других частях империи идеология и вкусы маньчжурской династии не нашли столь яркого выражения, как в столичных городах. Пекин, как главная столица, отразил подъем и упадок империи Цин, причем период ее наивысшего могущества в XVII—XVIII вв. был одновременно и периодом небывалого расцвета тибетского буддизма.

Тибетский буддизм пришел в Пекин (тогда столичный город Даду монгольской династии Юань) в XIII в., и существует там с этого времени до сегодняшнего дня. Многие важнейшие для истории тибетского буддизма события произошли именно в Пекине. Так, там было осуществлено первое издание и несколько переизданий громадного по объему буддийского канона на тибетском языке, существовавшего в Тибете лишь в единичных рукописных списках. Редактирование, перевод большей части и издание канона на монгольском языке были выполнены только в Пекине, где было сосредоточено почти все книгопечатание на монгольском языке. В XVIII в. был создан заново буддийский канон на маньчжурском языке, оформленный в тибетском стиле. Собрания сочинений тибетских и монгольских буддийских ав-

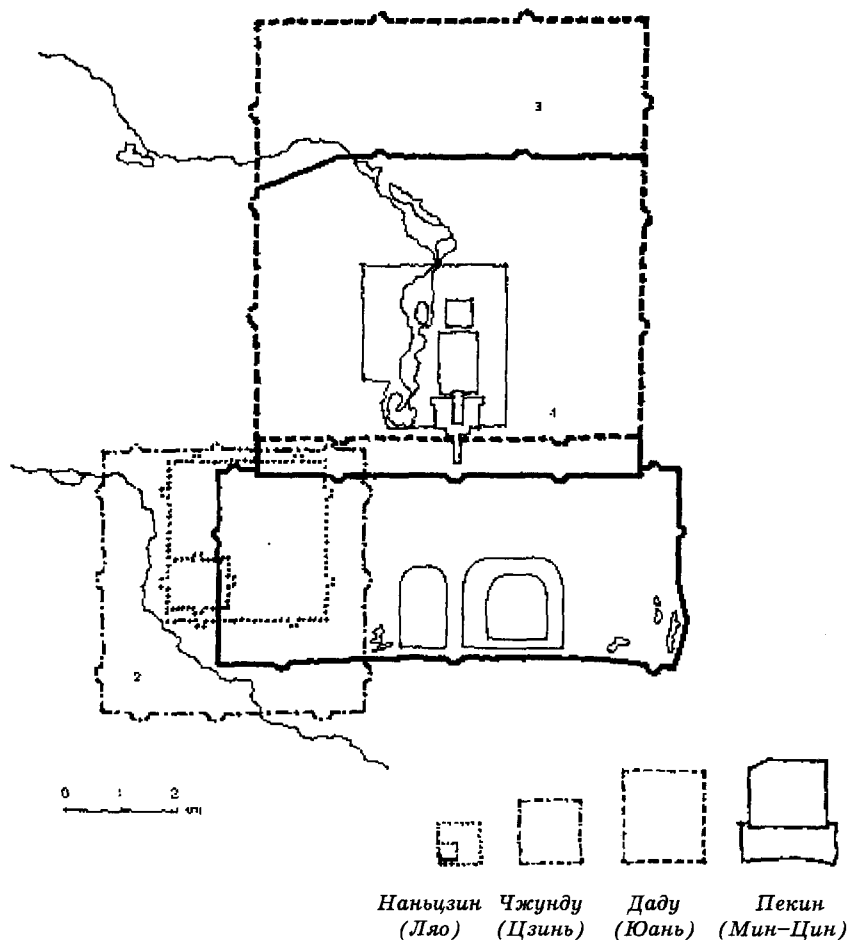
торов, а также отдельные книги (часто многотомные) печатались и переписывались в Пекине в огромных количествах. Расцвет буддийской книжности в Пекине стал могучим стимулом для развития монгольского, маньчжурского и тибетского языков, традиционной учености и религиозного искусства.

При династии Цин строительство в Пекине ламаистских храмов и изготовление предметов культа приобрели небывалый размах. Большая часть из дошедших до нашего времени бронзовых ламаистских скульптур и икон, в том числе находящихся в крупнейших музеях мира, включая Государственный Эрмитаж, были изготовлены в мастерских Пекина.

Именно из Пекина книги на монгольском и тибетском языках и предметы ламаистского культа расходились в огромных количествах по всей империи Цин и попадали в сопредельные страны, в том числе и в Россию, где часто служили образцами для последующего воспроизводства местными печатниками и мастерами.

Изучение истории тибетского буддизма в Пекине затрудняется недостатком источников, их фрагментарностью и недостаточной информативностью. Кроме того, эти источники написаны на разных языках. Необходимо учитывать и тот факт, что многие ламаистские реалии пекинской жизни были утрачены и забыты уже к началу XX в. Отражающая их лексика также была забыта и не может быть восстановлена с помощью современных словарей. Поэтому для правильного понимания источников автор был вынужден проделать, прежде всего, большую лингвистическую работу по сопоставлению книг и документов на разных языках и изучению многоязычных лексикографических пособий XVIII — XIX вв.

Уникальные письменные источники на тибетском, монгольском и маньчжурском языках, привезенные из Пекина, хранятся ныне в библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета и в фондах Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения (с 2008 г. Институт восточных рукописей) РАН. Эти книжные богатства были привезены в Петербург на протяжении XIX в. из Пекина стараниями ряда выдающихся отечественных востоковедов, прежде всего, О.М. Ковалевского и академика В.П. Васильева.

Столичные города разных государств на территории Пекина в 1-м тысячелетии н.э. [Steinhardt, 1990, с. 21]

Немало сведений о тибетском буддизме в Пекине и его деятелях удалось собрать из пекинских ксилографов на тибетском языке, а также из биографий и автобиографий тибетских и монгольских лам, посещавших Пекин с различными целями. Поиски необходимых сведений потребовали от автора многих лет работы и ознакомления с тысяча-

ми печатных и рукописных книг на тибетском и монгольском языках. Привлечение этих материалов дало возможность исправить многие неточности, попавшие в работы предшественников и современных авторов. Данная книга отчасти является и научным анализом и обобщением собирательской работы основоположников отечественных монголоведения и тибетологии (не по вине которых это обобщение опоздало почти на сто лет).

Поскольку Пекин являлся императорской резиденцией, то немало места в работе уделено рассмотрению вопросов, связанных с отношением маньчжурских императоров к тибетскому буддизму. Это потребовало рассмотрения политики династий Юань, Мин и Цин по отношению к тибетскому буддизму, а также коснуться истории отношений буддийской общины со светской властью в Китае. Вопросы, связанные непосредственно с политикой маньчжуров по отношению к Тибету и Монголии, рассмотрены лишь в той степени, в которой эта политика отражалась на религиозной жизни Пекина тех времен. Подобным же образом рассмотрены в книге и вопросы, связанные с историей, учением, литературой и искусством тибетского буддизма.

Некоторые частные вопросы, связанные с историей тибетского буддизма в Пекине, рассмотрены в отечественной и зарубежной науке достаточно подробно (например, визиты в Пекин пятого далай-ламы в 1653 г., третьего панчен-ламы в 1780 г. и тринадцатого далай-ламы в 1908 г.). Поэтому, стремясь избежать повторов, автор счел возможным более подробно остановиться на малоизученных и спорных вопросах. И вместе с тем — изложить целостную картину крупнейшего и в своем роде уникального явления в духовной и политической жизни Китая, оказавшего огромное влияние на культуру народов Центральной Азии.

Эта книга была в целом завершена в 2004 г. и тогда же защищена как докторская диссертация. Однако она не была опубликована в связи с большой загруженностью автора работой в должности хранителя Тибетского фонда СПбФ ИВ РАН, а затем его переходом на преподавательскую работу в СПбГУ и необходимостью подготовки новых учебных курсов. Поскольку в последние несколько лет автор неоднократно бывал в Пекине и имел возможность более глубоко ознакомиться с наследием и современным состоянием тибетского

буддизма в столице Китая, а также обсудить многие вопросы с ведущими китайскими учеными, то в первоначальный вариант работы были внесены дополнения и исправления. Кроме того, в последние годы спецкурс «Ламаизм в Пекине» был неоднократно прочитан автором студентам различных кафедр Восточного факультета СПбГУ, и в ходе занятий выявились некоторые недостатки изложения материала, которые были устранены.

Считаю необходимым сделать предварительное замечание относительно русской транскрипции тибетских собственных имен и терминов. Этот вопрос является весьма сложным, а для данной конкретной работы — просто неразрешимым. Причиной этого обстоятельства является тот факт, что большинство этих имен и терминов зафиксированы в официальных документах и исторических сочинениях в транскрипции, весьма далекой от лхасского произношения. Не вдаваясь в объяснения, — почему одно и то же тибетское имя в одном случае пишется «Нгаван» или «Гьялцэн», а в другом — «Агван» или «Джалцан», я приложил к работе список всех встречающихся в работе тибетских имен и терминов с их точной латинской транслитерацией.

На протяжении всего долгого времени, когда я с разной степенью интенсивности работал над этой темой, мне оказывали помощь и содействие многочисленные российские и зарубежные коллеги. Хотя я не имею возможности перечислить их всех в этом кратком предисловии, моя благодарность безмерна. Персонально я упомяну только покойного Л.Н. Меньшикова, который много лет назад ввел меня в мир китайской культуры, научил основам китайского языка и чьи бесценные консультации помогли мне написать эту работу.

SUMMARY

Presented here is a special study of Beijing's historical status as a major centre of Tibetan Buddhism. The period covered begins during the Mongol Yuan dynasty and concludes at the end of the Manchu Qing dynasty (1644—1912). Beijing's religious significance as a Buddhist centre peaked during the Qing dynasty. While Beijing has always been primarily a Chinese city and the administrative centre of the Chinese Empire a number of historical and religious factors came together which brought about this surprising status within the landscape of Tibetan Buddhism.

The Qing empire was a vast multi-ethnic state and Tibetan Buddhism formed an important component of Manchu spirituality. From the seventeenth century numerous lamaist temples and monasteries on the Wutaishan Mountains in the Shanxi Province, the temples of Jehol — the favourite Imperial summer residence, the temples of Mukden (Shenyang) — the original capital of the Manchus, and the temples of Huhehota and Dolonnor (Chin. Dolun) in Inner Mongolia, were all under the jurisdiction of the chief administrative lama of Beijing.

A special attitude towards Tibetan Buddhism had first been shown by the Mongol Yuan dynasty (1271—1367), and a privileged position had been held by the Tibetan lamas of the Sakya School throughout the whole period of Mongol rule in China. Moreover, fourteen lamas received the highest possible title of «Imperial Preceptor» (Chin. dishi), and a special «Bureau of Buddhist and Tibetan Affairs» was created. At that time the first Tibetan temples were built in Dadu, the Yuan capital situated on the site of modern Beijing.

After the collapse of the Yuan dynasty, some of the emperors of the succeeding Chinese Ming dynasty showed a profound interest in Tibetan Buddhism and invited eminent lamas from Tibet to their capital. They also promoted the printing of Tibetan Buddhist texts and the manufacturing of Buddhist images. The advent of the Manchus to Beijing in 1644 was also the time from which Tibetan Buddhism flourished in the imperial capital.

Tibetan and Mongolian sources say that there were twenty-eight lamaist temples and monasteries in Beijing. These temples were built and very generously supported by the Imperial Court throughout the seventeenth and eighteenth centuries; later, however, the support diminished as the internal situation of the empire worsened.

The holiest image in Beijing was the statue of the so-called Sandalwood Buddha, which was placed in the lamaist Hongrensi Temple. According to legend, it was made during the lifetime of Śākyamuni Buddha and received his personal blessing. The most luxurious temple was the Yonghegong Temple built by the Qianlong Emperor on the site of his father's princely palace and his own birthplace. It was consecrated in 1744 and until today remains a functioning monastery and one of the most famous tourist sights of modern Beijing.

These temples were full of Tibetan-style Buddhist images produced in enormous quantities in the imperial workshops of Beijing. Most of the bronze statues were produced in Dolonnor and then brought by caravans to Central Tibet, Amdo and Mongolia. Unsurprisingly, as these were produced by Chinese artisans, the Tibetan-style images inevitably acquired visible Chinese features. Museum curators have noted that a considerable proportion of «Tibetan bronzes» are in fact Sino-Mongolian in origin.

The Tibetan Buddhist Canon is traditionally divided into the Kangyur in 108 volumes, which is regarded as containing the real words of the Buddha, and the Tengyur in 225 volumes which is a collection of commentaries on the Buddha's word by Indian sages. Its emergence, printing and wide dissemination became possible through the support of the Imperial Court of Beijing.

At first, a compilation of Chinese and Tibetan Buddhist texts was prepared under the Mongolian Emperor Khubilai Khan (reigned in 1271—1294). Around 1310, with the financial support of the Mongol rulers, a manuscript copy of the Canon was produced in the Tibetan Narthang Monastery. In 1410, when the Mongolian dynasty had already been overthrown by the nationalist Chinese Ming dynasty, the Kanjur was printed for the first time, either in Beijing or in Nanjing.

Under the Manchus, a new set of wooden blocks were produced in Beijing in 1684—92. After publishing this edition, the Kanjur was printed in Beijing four more times: in 1700, 1717—20, 1737 and in ca. 1765. As for the doubly voluminous Tibetan Tenjur, a lavishly designed edition was printed in 1721—24.

A great number of separate canonical Buddhist books in Tibetan were printed in Beijing. Collected works by the Dalai Lamas, the Panchen Lamas, and authoritative Tibetan lamas were also printed, as well as many separate texts on various subjects of traditional Tibetan Buddhist study.

Beijing was also the place where thousands of Buddhist texts were translated from Tibetan into Mongolian. Almost all books in Mongolian printed in the Qing Empire were printed in Beijing, including the Kanjur in 1718—20 and the Tengyur in 1742—49.

Many Buddhist texts were translated into the Manchu language from Tibetan and Chinese and printed in Beijing in the form of Tibetan-style books (loose leaf pages wrapped in cloth). Even the Manchu Kanjur was compiled and printed in 1773—1790.

About one thousand lamas resided in Beijing in the eighteenth and nineteenth centuries and these were, for the most part, Mongols. The Department of Tributary Territories (Chin. Lifanyuan) was in charge of them. The hierarchy and staff schedule of every monastery and temple were strictly fixed. The Chief Administrative Lama ruled the whole Beijing Lamaist Centre through four ruling lamas and fourteen abbots. From 1712 Beijing was made the permanent residence of one «living Buddha». this was the Changkya Khutugtu, whose successive incarnations enjoyed great honour and fame throughout Manchu rule. Changkya Khutugtus originated from the Amdo/ Kukuror area (modern Qinghai and Gansu Provinces of China). Several other incarnate lamas from this area (the so-called «Eight Great Khutugtus of Kukuror») served in Beijing and occupied the highest positions in the local lamaist hierarchy. Through many years of contacts unique relations were established between these lamas. For example, in one incarnation one lama was the teacher or assistant of the other while in the next «generation» it was vice versa.

All lamas who permanently resided in Beijing, both high and ordinary, belonged to the «Yellow Hat» Gelugpa School. Though the Gelugpa predominance was firmly established in Central Tibet, Amdo and amongst the Mongols, it was important for Beijing lamas of the seventeenth and eighteenth centuries that the Imperial capital did not give rise to any impulse that could damage the hegemony in Tibet. The interest in the teaching of the Nyingmapa School that was demonstrated by Prince Yunli (1697—1738) — the head of the Department of Tributary Territories — caused great anxiety among some top Beijing lamas. When in 1732, having received permission from his brother the Emperor Yongzheng, Yunli invited to Beijing two top lamas of the Karma-Kagyü School, both died mysteriously and almost simultaneously as they were approaching the capital.

The number and grandeur of lamaist temples in Beijing and the scope of their activities were in contrast to a relatively small community of lay believers who sponsored and supported them. However, amongst these sponsors were many representatives of the Manchu Imperial house, the foremost being the Emperors themselves. It goes without saying that such lay believers were by far more influential than any other possible donors, and they could practice the «perfection of giving» and other Buddhist virtues on a very lavish scale. The building of eleven replicas of the great Tibetan temples: the Potala, Trashi Lhunpo, Samyé, Tholing and others in the summer imperial residence of Jehol, serves to illustrate the possibilities of imperial patronage. Almost all Beijing lamaist temples were generously financed through the Imperial Household, which also supplied them with candles, incense and other things required for conducting rituals. Moreover, major temples were allocated land, which gave them a reliable rental income. Beijing temples also received substantial donations from Mongol princes and high lamas who were obliged to regularly visit the capital. On the one hand, Imperial patronage ensured the well-being of Beijing lamaist temples; on the other, this prosperity quickly diminished as the Manchu dynasty began tottering and then collapsed.

During the Qing dynasty Beijing was visited three times by the highest Tibetan incarnate lamas, and each visit symbolised an important turn in the empire's history. The Fifth Dalai Lama visited China in 1652—53, soon after the Manchu dynasty established itself in Beijing and while it was still fighting to consolidate its power. The Third (Sixth) Panchen Lama, Lobsang Pelden Yeshé, visited Beijing in 1780 when the might and splendour of the Qing empire was at its height. That year the Qianlong Emperor celebrated his seventieth birthday and it was a suitable occasion to acknowledge the achievements of his reign. The visit was darkened with the sudden death of the Panchen Lama. The Emperor ordered a marble stūpa to be built in his memory in the Huangsi Temple, while his earthly ashes were sent to Tibet with all the gifts received and even further donations for the funeral.

While visiting Beijing in 1908, the Thirteenth Dalai Lama, T'ubten Gyats'o, witnessed the agony of the Qing dynasty. The almost simultaneous deaths of the Guangxu Emperor and his notorious aunt, the empress dowager Cixi, occurred during his stay in the capital. The Dalai Lama came to Beijing by train and stayed at the same Yellow Temple where the

Fifth Dalai Lama stayed 256 years before. However, things had changed substantially since that time.

Though the visits of these highest lamas were extraordinary events, regular «tributary missions» from the Dalai Lama and the Panchen Lama arrived at Beijing each year. In the early nineteenth century these missions were not allowed to exceed forty men. After staying in the capital and attending customary rituals and receptions, these missions went back to Tibet loaded with a fixed set of gifts from the Emperor and purchased goods.

Since Buddhism served as a basic foundation of the culture and worldview of the Mongols and the Tibetans, it was important for their relationship with these groups that the Manchu emperors take on the appearance of being Buddhist rulers. The importance of an appropriate policy towards Tibetan Buddhism as a source of maintaining peace among the Mongols was vividly described by the Qianlong Emperor in his «Discourse on Lamas» («Lama shuo»). Tibetan affairs were not handled by Manchu officials only, but top Beijing lamas also served as advisors and were often sent on missions to Tibet by the emperors. Those lamas, who belonged to the same cultural background as the Buddhist hierarchs of Tibet with whom they communicated in the same language, were able to contribute substantially to maintaining the balance between different parts of the empire. At the same time every Tibetan or Mongol who came to the capital — for whatever purpose — did not feel isolated from his religion.

Within a few decades of the fall of the Qing dynasty Tibetan Buddhism in Beijing dwindled, adversely affected by the turbulent events which followed in China. Many temples were destroyed and many things relating to Tibetan Buddhism in Beijing were soon lost and forgotten. However, an enormous heritage left by many generations of Tibetan Buddhists residing in the Chinese capital, primarily thousands of volumes of Buddhist texts in Tibetan, Mongolian and Manchu, and thousands of Buddhist statues and paintings, remains a source of inspiration for believers and scholars.

Vladimir USPENSKY (also spelled Uspenskiy) is Professor and Chair of the Department of Mongolian Studies and Tibetology, Faculty of Asian and African Studies of St. Petersburg State University. He started his academic career in 1981 as a staff member at the Leningrad Branch of the Institute

of Oriental Studies, Academy of Sciences of the USSR (now: the Institute of Oriental Manuscripts, the Russian Academy of Sciences). His major publications include Prince Yunli (1697–1738): Manchu Statesman and Tibetan Buddhist (Tokyo, 1997); Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library (Tokyo, 1999–2000) and «Explanation of the Knowable» by 'Phags-pa bla-ma Blo-gros rgyal-mtshan (1235–1280) (Tokyo, 2006).

The major focus of his current studies is the history and literature of Tibetan Buddhism.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3—8
Глава 1. Основные источники и исследования по истории тибетского буддизма в Пекине	9—32
§ 1. Источники и их изучение	9—16
§ 2. Памятники тибетской буддийской историографии и их изучение	16—24
§ 3. Краткий обзор изучения истории тибетского буддизма в Пекине	24—32
Глава 2. Ламаистские храмы Пекина	33—94
§ 1. Тибетский буддизм: возникновение и экспансия	33—51
§ 2. Пекинские храмы	51—94
Глава 3. Ламаистское духовенство Пекина при династии Цин	95—150
§ 1. Ламская иерархия Пекина	95—125
§ 2. Приезды тибетских и монгольских лам в Пекин	126—150
Глава 4. Тибетский буддизм в жизни маньчжурского императорского дома	151—236
§ 1. Покровительство буддизму императоров и высших аристократов	151—177
§ 2. Почитание маньчжурских императоров как воплощений бодхисаттвы Манджушри	152—198
§ 3. Принц Юньли и тибетский буддизм	199—224
§ 4. «Рассуждение о ламах» («Лама шо») императора Цяньлуна	225—236
Глава 5. Книгопечатание и изготовление предметов ламаистского культа в Пекине	237—293
§ 1 Пекинские издания буддийского канона на тибетском, монгольском и маньчжурском языках	237—261
§ 2. Пекинские издания буддийских книг и сборников	261—285
§ 3. Изготовление предметов культа	285—293
Заключение	294—298
Приложение 1. «Восхваление монахов» императора Канси	299—300
Приложение 2. Юньли. «Семь отвергаемых одним росчерком» (кит. Ци ба гоу)	301
Сокращения, используемые в книге	302
Цитированные источники и литература	303—325
Список тибетских имен, названий и терминов	326—332
Список китайских и японских имен, названий и терминов	333—341
Указатель имен	342—352
Указатель географических названий	353—360
Summary	361—366

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Студия «НП-Принт»
Верстка Кузьмичев Д.А.
Тираж 200 экз.
Заказ № 20/03

Отпечатано в типографии
ООО «Студия НП-Принт»
190005, Санкт-Петербург
Измайловский пр., 29
Тел. (812) 324-65-15
luda@npprint.com